Сергей Редков

СПИНА ФОРТУНЫ

Ранние рассказы

Сергей Редков

Спина фортуны. Ранние рассказы

«Издательские решения»

Редков С.

Спина фортуны. Ранние рассказы / С. Редков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985700-2

Редков Сергей Александрович. Поэт. Прозаик. Музыкант. Член ЛИТО «Муза» при доме-музее В. В. Вересаева. Член Союза Литераторов России. В эту книгу вошли ранние рассказы автора.

ISBN 978-5-44-985700-2

© Редков С.
© Издательские решения

Содержание

Концерт 6
История одной жизни 9
Сны 11
Три миниатюры 14
Ложечка 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Спина фортуны
Ранние рассказы

Сергей Редков

© Сергей Редков, 2020

ISBN 978-5-4498-5700-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Концерт

Оркестр, в котором я работаю, выступает сегодня в Центре социальной защиты пожилых людей. Если говорить менее официальным языком – в доме престарелых.

Автобус с артистами, инструментами и костюмами осторожно, дабы не поломать недавно покрашенные лавочки и не раздавить ухоженные клумбы, въезжает в маленький дворик небольшого двухэтажного здания, построенного пленными немцами еще в середине прошлого века. Благодаря социальным программам и вмешательству общественных организаций, здание постоянно ремонтируется и выглядит вполне прилично. Тем не менее, у каждого, кто входит в его двери, возникает какое-то странное, тревожное чувство – осязаемое ощущение старости и одиночества, о которых люди стараются не думать в своей повседневной жизни: так спокойнее. А для тех, к кому старость и одиночество все же пришли, этот вечно ремонтируемый дом является последним убежищем от жестокой реальности наших дней.

Для того чтобы хоть как-то развеять гнетущую атмосферу этих стен, администрация центра постоянно приглашает артистов, поэтов и музыкантов. Наше ремесло призвано творить иллюзию радости и счастья в людских неспокойных душах. И мы готовы выполнить свой долг!

Репертуар концерта подобран грамотно и профессионально – кто-то услышит любимые мелодии своей юности, кто-то споет с оркестром почти забытые, но такие родные песни, а кто-то вспомнит молодость и пустится в пляс под озорные наигрыши балалайки и переливы баянов. Но это будет чуть позже. А сейчас музыкантам нужно подготовиться: переодеться, причесаться, расчехлить и настроить инструменты.

Мы входим в приемную, и в нос ударяет цепкий запах хлорки и вчерашнего ужина. Навстречу важно выступает сотрудник службы безопасности – ветхий старичок с добрыми глазами, но суровым выражением лица и грозно сдвинутыми к переносице бровями.

Видимо, ему часто приходится скучать на посту, так как посетителей практически нет. Но сейчас у дедушки в камуфляжном костюме есть отличная возможность обратить на себя внимание, которого ему так не хватает в жизни, снова почувствовать свою «значимость». Он подходит к нам и, пытаясь изобразить строгость, спрашивает нас о цели визита. Мы показываем ему инструменты, ноты, костюмы и благополучно минуем грозного стража. А затем переходим ту границу, которая оделяет нашу суетливую повседневность от особенного, хрупкого и капризного мира пожилых людей.

Мы внутри. Нас ведут на второй этаж мимо комнаты отдыха, где в углу, рядом с телевизором и огромным шахматным столом с фигурами-великанами, стоят просторные клетки с хомячками, морскими свинками и домашними кроликами. Клетки вычищены, а зверушки ухожены и сыты, потому что у многих обитателей центра еще жива потребность к заботе и состраданию, хотя бы к этим маленьким пушистым созданиям. Когда человек заботится о ком-то, он часто забывает о том, что сам нуждается в заботе.

Свернув из длинного узкого коридора, пытающегося удивить редкого гостя репродукциями известных картин, мы входим в одну из спален, где нам разрешено переодеться в концертные костюмы и привести себя в порядок. Здесь довольно тесно: шесть или семь кроватей – не успеваю рассмотреть точно, – вплотную сдвинуты друг к другу. Но жильцы не жалуются – лучше потесниться, чем быть бездомным.

Зато, какая роскошная картина открывается из окна! Вдаль, сбрасывая с себя уродливые коробки серых домов, навстречу весне убегают зеленеющие поля. Бескрайнее небо парит над чистыми крыльями белоснежных облаков. Душа наполняется знакомой, но до конца не осознанной радостью. И я понимаю, что действительно счастлив, потому что молод и могу хоть сейчас окунуться с головой в эти пьянящие просторы, убежать отсюда туда, где можно спрятаться от тех невеселых мыслей, которые рождаются только здесь. Интересно, когда смотришь

на этот красивый пейзаж ежедневно в течение многих лет подряд, кажется ли он таким же прекрасным? Не хотел бы этого узнать…

Но пора спускаться вниз, к публике. В маленькой узкой столовой с белыми стенами из керамической плитки для нас сооружена импровизированная сцена. Стулья расставлены, инструменты настроены, слушатели – на своих местах. Все готово к выступлению. Дирижер делает взмах палочкой, и долгожданный концерт начинается. Здесь я вынужден прервать свой рассказ, так как именно в этом месте должен сделать три удара по большому барабану…

В одной из пьес в моих нотах стоит знак паузы, и я имею возможность лучше рассмотреть сидящих перед оркестром людей. Артист и зрители меняются местами: старики смотрят на меня, но видят лишь свои воспоминания, слышат лишь музыку своей молодости. Я же внимательно заглядываю каждому в лицо и вижу причудливое сплетение судеб. Кто эти люди? Чем они жили? Кого любили? Как попали сюда? Для них сегодняшний концерт – большое событие. Все нарядно одеты, причесаны, глаза светятся радостью и даже счастьем. Кто-то с удовольствием подпевает, а кто-то собирается в пары и танцует. И если для них сегодняшний концерт – праздник, то для нас – всего лишь обычная работа: мы просто нажимаем кнопки и дергаем струны в определенно заученном порядке. Неужели в этом и заключается то, едва уловимое чудо, которое рождает в сердцах пожилых людей такой отклик?

А кто-то из музыкантов во время сего таинства успевает еще мельком прочитать пару строк из газеты или поговорить. Вот и сейчас, литаврист, у которого тоже появилась пауза, наклоняется ко мне и шепчет:

– Видишь того типа в серых брюках и клетчатой рубашке? Да-да, этот седой, у него еще глаз дергается. Знаешь, как он сюда попал? А-а-а… Все брат, жадность… Этот человек – бывший руководитель детского хореографического коллектива. Много лет подряд он гастролировал с ним за границей, а перед каждой поездкой собирал деньги с родителей на визы, страховки, бензин и подарки, хотя все расходы оплачивал город из своего бюджета. Так и жил обманом, пока не свершилась его давняя заветная мечта – он приобрел очень дорогой и престижный автомобиль. Но радоваться пришлось недолго – спустя месяц он попал в аварию, в которой погибла вся его семья. Его спасло лишь чудо. Но восстановиться от потрясения бедолага не смог: сначала потерял интерес к жизни, затем работу, а там и – дом родной. Так он оказался здесь. А вон тот…

Пауза у литавриста заканчивается, и он продолжает вдохновенно лупить в свои медные котлы палочками с пушистыми круглыми головками. Трам-бара-бам! Трам-бам-бам!!

А мне и не надо рассказывать о том человеке – я его знаю. Это друг моего деда; в детстве я часто бывал у него дома и слушал интересные истории из его насыщенной событиями жизни. Он всегда выглядел как человек, знающий себе цену, и эта черта сохранилась в нем и по сей день. На груди гордо красуется орденская колонка, а строгая осанка выдает в нем бывшего военного. Безупречная опрятность в одежде, взвешенность суждений и вежливость всегда являлись одним из его лучших качеств. О таких людях говорят: «Человек, достойный уважения». Но мало кто догадывается, что в детстве он был двоечником и хулиганом. Пока есть несколько тактов до моего вступления, поделюсь с вами одной историей.

Будучи школьником, чтобы избежать наказания за неуспеваемость, он научился мастерски исправлять плохие оценки и подделывать подписи школьных учителей. Гораздо позже ему пришлось еще раз применить свой «преступный» навык: он подделал почерк своего друга, и тем самым обманул женщину. Но не спешите осуждать его – своим обманом он спас ей жизнь.

Шла война. Во время боя друг получил тяжелое ранение и перед смертью попросил товарища рассказать о случившемся его невесте, медсестре из соседнего полка. Но девушка тоже была ранена, и врачи, опасаясь за ее жизнь, запретили юноше говорить ей о смерти возлюбленного.

– Ваш жених жив и здоров, – услышала она, – бьет врага и мечтает о свадьбе.

И в подтверждение своих слов юноша вручил девушке письмо со словами любви и пожеланиями скорейшего выздоровления. Подделать почерк друга не составляло особого труда, и девушка получала теплые и нежные послания до тех пор, пока раны не зажили. Я уверен, эти письма сильно помогли ей, поддержав в самые тяжелые минуты.

Да, мужчина обманул, но ни разу не пожалел об этом. После войны медсестра стала врачом и, уже, в свою очередь, спасла жизнь многим людям. Сейчас она живет в точно таком же заведении для стариков, только в другом городе. Она серьезно больна и, как опытный врач, знает, что жить осталось совсем не долго. Этой мужественной женщине, прошедшей войну и тяжелый, но полный смысла жизненный путь, не страшно умирать, потому что под подушкой у нее есть письма с подделанным почерком, которые каждый вечер признаются ей в любви близким голосом из прошлого…

Я сказал, что умирать ей не страшно, потому что очень хочу в это верить. Хотя, к чему иллюзии?

Время пролетело незаметно, и концерт подошел к концу. Хочется скорее покинуть душное помещение и сказать этому дому: «До свидания». А еще лучше: «Прощай!». Но так не бывает. Осень приходит к каждому, и неизвестно, где опадут твои листья. Кто знает, может, и меня уже ждет одинокая кровать в каморке на втором этаже.

Тогда пусть еще подождет. Складываю инструменты, переодеваюсь, и бегом на улицу. Туда, где небо, солнце, жизнь…

История одной жизни

А вы помните момент своего рождения? Нет? Вот и я не помню. Первые проблески сознания пришли ко мне через три-четыре года после рождения. Из тьмы небытия, словно кадры немого кино, всплывают картины моего детства: вот я в первый раз увидел свои дверцы и стал хлопать ими, как ладонями; вот в меня первый раз вносят шкаф, и я везу его на девятый этаж; а здесь я в первый раз сломался и меня чинят двое рабочих… Простите, я забыл представиться. Я – лифт. Самый обыкновенный грузовой лифт. Я живу в двенадцатиэтажном доме и развожу людей и грузы по этажам. Рядом со мной живёт и работает пассажирский лифт. Раньше она мне нравилась, я даже сделал ей предложение, но все попытки сблизиться потерпели неудачу. С тех пор мы живём параллельно друг другу, и наши шахты ни разу не пересекались. Да и некогда мне заниматься личной жизнью – работы много. Целый день меня вызывают и разъезжают на мне то вверх, то вниз. Особенно бывает тяжело, когда кто-то в доме делает ремонт. Сколько же строительных материалов, мусора, бытовой техники и мебели я перевёз на своём веку! Однажды передо мной поставили трюмо, и я увидел себя в зеркале. Что могу сказать – красавец! Дверцы и стенки обиты благородной древесиной, на полу блестит новенький линолеум, ярко горят лампы в пластмассовых плафонах. Мне бы артистом быть, а не извозчиком!

Но не все смогли оценить мою красоту. Помню мальчишку лет двенадцати; он жил на восьмом этаже и довольно часто залеплял мои кнопки жевательной резинкой. Как же меня это бесило! А когда маленький хулиган достал из кармана зажигалку и попытался расплавить несколько кнопок, моё терпение лопнуло. Я затрясся всем телом и стал хлопать дверцами. От неожиданности мальчик выронил зажигалку из рук и застыл от испуга. Но я уже не мог остановиться: я застрял между этажами и выключил в себе свет. Мальчик заплакал, и кажется, раскаялся в своём поведении. Тогда я включил свет и выпустил его на ближайшем этаже.

Следующий раз я увидел этого мальчика недели через две. Он катался на мне с маленькой девочкой лет одиннадцати, которая недавно переехала в наш дом и жила на втором этаже. Они то спускались на самый нижний этаж, то поднимались до самого верхнего, при этом разговаривая о вещах, которые понятны только детям, но никак не мне – солидному и уважающему себя лифту. Единственное, что я смог узнать из их разговора, что мальчика зовут Дима, а девочку – Катя. Было видно, что Дима и Катя крепко сдружились. И должен заметить, что это благотворно повлияло на мальчика. Он больше никогда не рисовал на моих стенах фломастерами и не лепил ко мне жвачку. И я после этого всегда с радостью возил Диму и Катю, слушая и наслаждаясь их чистыми голосами и беззаботным детским смехом.

Но прошло несколько лет. Дети повзрослели. Дима стал юношей, а Катя – красивой девушкой. Они, по-прежнему, любили кататься на мне с нижнего этажа до верхнего. И пока я медленно поднимался вверх или опускался вниз, они всё время обнимались и целовались. Мне, как лифту, сложно понять, какая в этом радость, но если им нравится, то пусть целуются.

А однажды Катя сказала:

– Хоть бы застрять ненадолго, у меня родители сегодня дома.

– Сейчас сделаем, – сказал Дима и стал давить на все кнопки подряд.

Я не мог понять, куда им нужно, и остановился. Автоматически выключился свет. Что во мне происходило дальше, я не знаю, но через два месяца в меня набились весёлые и пьяные родственники Димы и Кати. Сам Дима был в строгом чёрном костюме, а Катя в воздушном белом платье. Уже через год они ввозили в меня коляску с малышом. А года через три я стал видеть Диму с какими-то подозрительными дамами. А однажды одна из этих дам столкнулась лбом в лоб с Катей. Дама поднималась в квартиру к Диме, а Катя к себе домой. Там они и встретились. Через минуту после того, как я закрыл свои дверцы, послышались гневные крики и звон пощёчин. Не знаю, что там произошло, но Катю я в нашем доме больше не видел.

Зато видел много других женщин, которые часто поднимались на этаж к Дмитрию Александровичу, как называла его одна из них. А Дмитрий Александрович всё чаще стал возвращаться с работы слегка «навеселе». Однажды он даже заснул во мне и пролежал на полу всю ночь. А через месяц в меня вбежали врачи скорой помощи. Они хотели подняться на восьмой этаж, но я так разволновался, что во мне перегорела какая-то деталь, и я застрял между этажами вместе с врачами. Приехала бригада ремонтников и починила меня, но врачи опоздали. Они лишь спустили на мне тело и уехали. Дмитрия Александровича после этого я больше никогда не видел. Да и бог с ним, я не о нём сейчас рассказываю. Представляете! После случая с застрявшими врачами, меня хотят заменить! Как же так?! Меня, получается, разберут и увезут на свалку? Неужели мне придётся смириться с тем, что меня больше не будет? Жаль, ведь я был неплохим лифтом.

Сны

…Смерть похожа на строгую учительницу, стирающую с доски жизни глупые, нелепые ошибки, совершенные тобой от невнимательности, усталости или плохо подготовленного в детстве домашнего задания.

Но даже самый строгий учитель сам не застрахован от ошибок. И когда ты пытаешься обратить на это внимание, то вызываешь на свою голову шквал негодования:

– Выйди из класса! – кричит смерть, и берет в руку тяжелую линейку. Она замахивается на тебя, и ты сжимаешься от страха. Закрыв голову ладонями и зажмурившись, ты просишь пощады.

– Я больше так не бу-у-ду-уу, – слышится сквозь рыдания твой испуганный, хныкающий голос. На дрожащих губах повисает жалобный стон: «Пожалуйста, не выгоняйте меня! Там, за дверью – слишком темно, холодно, тихо… там нет никакой жизни. Прошу вас, оставьте меня в классе…»

Видя твое раскаяние, смерть успокаивается и прощает тебя.

Тогда ты с надеждой спрашиваешь:

– А можно я останусь на «продленку»?

– Посмотрим на твое поведение, – отвечает смерть.

– Я буду вести себя хорошо! – обещаешь ты. И даже веришь в это.

И чувство счастья переполняет тебя, потому что на этот раз – ты спасен…

…Дорога – это река Стикс, не дающая порядочным гражданам переправиться на противоположенную сторону. Бешеные волны машин так и норовят утопить кого-нибудь в расплавленном асфальте. Никто никому не поможет – прошла оптимизация и лодочник Харон, на полставки подрабатывающий регулировщиком с полосатым веслом, был уволен. Вместо него за порядком следит бездушный светофор – ему не надо платить зарплату. Перед пешеходным переходом нетерпеливо бьет копытом возбужденный пешеход. Другой – словно бык сверлит кровожадным взглядом красный фонарь светофора. Ой! Это и есть бык. Самый настоящий бык. Откуда он здесь? А рядом, звеня копытом об асфальт, напрягая мускулы для прыжка, стоит лось. Красный свет сменяется на желтый, и зеленый человечек – заместитель Харона, – высовывается из нижнего окошка светофора и стреляет из стартового пистолета.

По-

нес-

лось вырывается вперед. Его догоняет вспотевший бык. Лось бьет его копытом в рога, но бык отнимает у школьницы самокат и отрывается от погони. Спустя секунду животные пересекают финишную ленточку бордюра (для особо утонченных – поребрика). Вот она – Земля Обетованная! Молочные реки, кисельные берега, райские птицы и тучные пастбища. Как же хорошо на другой стороне…

…Я еду с работы в переполненном троллейбусе. На светофоре рядом с троллейбусом останавливается автобус. В окне напротив я вижу двух развеселившихся девочек. Они замечают меня и начинают строить мне рожицы. Сквозь стекло я вижу их беззвучный смех. Загорается зеленый. Автобус дергается и обгоняет троллейбус.

– Ничего! – говорю я себе, – на следующем светофоре я расквитаюсь с вами, коварные девочки!

И когда троллейбус равняется с автобусом, и окна оказываются, как и в прошлый раз, друг напротив друга, я делаю страшную гримасу, высовываю язык и растягиваю щеки, мол,

получайте обратно! Но на тех местах, где находились две девочки, сидят две старушки. Они удивленно смотрят на меня, крутят пальцем у виска и отворачиваются.

Я сконфужен.

– Как же быстро летит время! – проносится в моей голове…

…Когда он снимает старые книги с заснеженных пылью полок, его жизнь превращается в бездонный, бушующий океан чьих-то судеб. Дельфины мыслей безудержно взлетают на гребни бесконечных строк, а эскадры разноцветных чувств гибнут в стремительных водоворотах выдуманных кем-то страстей.

Киты, на которых держалось его мировоззрение, выбрасываются на необитаемый остров подсознания, по которому бродят призраки влюбленных поэтов. Их радости и печали давно стали землей.

Он подходит к замученным славой гениям, но они разбегаются во все четыре с половиной стороны, оставляя на песке следы в виде букв. Он начинает читать, но с трудом понимает смысл песочных фраз.

Вдавленные в берег буквы, особенно гласные, гласят:

«Ничто не мешает жить вечно, если ты – красивое предложение»

Что это?
О чем это?
Надо подумать.
Он запирает себя на тысячи замков и чувствует, что только так становится по-настоящему свободным. Ничто – ни крики с базара, ни драка в подъезде, ни взрывы сверхновых звезд не мешают ему размышлять о том, что хорошо бы найти опытного психолога для Отелло. Лишь иногда в его дверь стучится почтальон и пытается вручить повестку в ад, но ему строго отвечает хорошо воспитанная тишина:
– Не шумите! Здесь никого нет.
Все
ушли
в
книги…

…Зима. Морозное утро. Еду в первой проснувшейся электричке и смотрю в окно, похожее на японский флаг – над белым полотнищем полей встает безумно красный диск солнца. Сквозь хрустальные узоры стекла, переливаясь в кристалликах инея, в вагон проникает алый свет зари.

Красиво, но холодно.

Прижимаю озябшие ноги к печке под сидением и прячусь в пуховик, как в теплую норку. Такое случается редко, но именно сейчас мне хочется, чтобы вокруг было как можно больше людей – так теплее. Общее дыхание – отличное оружие против вечной мерзлоты. Лишь бы никто не кашлял…

На очередной станции в вагон заходит девушка. Как и я, она возвращается после выходных в свой институт и спешит на первую пару. Меня, естественно, раздирает желание поговорить. Я распускаю павлиний хвост и пересаживаюсь к ней.

– Вы, наверное, думаете, – вдохновенно начинаю я, – что просыпаться в такую рань – это издевательство над молодым неокрепшим организмом? А знаете, как много интересного

происходит в мире, когда мы спим? Во время сна нас просто выбрасывает из жизни! Стоит закрыть глаза, забыться, как события начинают бурлить, словно суп в кастрюле: революции, войны, эпидемии, катастрофы… Но как только мы просыпаемся, все это оказывается лишь сводками утренних новостей. Вы со мной согласны?

Девушка не отвечает. Только сейчас я замечаю наушники в ее ушах. Перестав кивать головой в такт несуществующей для меня музыки, она удивленно смотрит на мои зимние ботинки, делает независимое выражение лица и уходит в другой конец вагона. А я продолжаю смотреть в окно, все еще похожее на японский флаг. Вдалеке вижу старинный монастырь, и мне слышится эхо колокольного перезвона. Белокаменные стены сливаются с далеким горизонтом, но позолоченные купола полыхают рассветным пламенем. Как маяк сверкают они в морозном снежном море, где колючая вьюга разгоняет застывшие волны причудливых сугробов.

Приглядевшись, я замечаю в одной из келий черного монаха. Из узкой бойницы окна он смотрит мне в душу, но ничего в ней не видит – в моей душе пусто. Монах удивлён – как такое может быть? Через километры снега я слышу голос затворника:

– Юноша, мир прекрасен и полон интереснейших открытий: ты узнаешь радость борьбы, вкус победы, безумие любви, боль предательства и многое другое, что знали тысячи поколений до тебя. Но стоит ли на это тратить свою жизнь, если душа твоя все равно остается пуста?

Меня задевает его вопрос. Вспомнив все, чему меня учили дома, в школе, в институте и «на улице», я прикрываюсь щитом скептицизма и отвечаю:

– Послушай, черный монах, я знаю, что в келье твоей – пусто, но душа твоя полна – в ней живут мир и любовь. Но стоит ли ради этого хоронить себя в добровольном заточении?

Монах не отвечает. Мне кажется, сегодня мы не сможем понять друг друга. Может быть, в другой раз?

А сейчас наступил новый день и принес каждому из нас свои заботы – я еду в столицу за деньгами и славой, а монаху пора молиться – за меня и таких, как я…

Три миниатюры

Ложечка

Вчера я сидел в кафе со своей девушкой, и мне вдруг нестерпимо захотелось стащить чайную ложечку…

Вы только не подумайте, что я преступник какой-нибудь. Нет-нет! Что вы! Напротив, я самый законопослушный гражданин этого города. Я воспитан до такой степени, что встречаясь с Екатериной Александровной (так зовут мою девушку), я даже ни разу не осмелился поцеловать её в щёчку, не говоря уже о других противоправных действиях интимного характера. В течение нескольких лет нашего знакомства мы находим радость в посещении театров, музеев и литературных вечеров. Иногда мы обедаем или ужинаем в кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.